

тических организаций и партий националистического и профашистского толка. Они, в свою очередь, стали требовать изменения законодательства, чтобы уменьшить или исключить поток мигрантов из страны. Однако самым негативным следствием глобализма стал терроризм, который является его порождением и который стал весьма распространённым в современном мире.

Литература

1. Fukuyama, F. Future of history / F. Fukuyama // Foreign affairs. – 2012. – №1. – P. 53-61.

Концепция европейского мультикультурализма – это результат стремления защищать свою культуру от любых иностранных влияний, используя процесс изоляции иммигрантов других национальностей от культуры титульной нации. Для стран, которые определяют нацию в рамках европейской традиции, то есть через национальность, мультикультурализм привел к расколу в обществе.

УДК 272(476)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ЗАПАДНО-БЕЛОРУССКОМ РЕГИОНЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Н. Н. КОВАЛЁВА

*Брестский государственный технический университет,
г. Брест, Беларусь*

Современные исследователи считают, что «государства, более или менее осознанно не проводившего ту или иную культурную политику, в истории человечества не существовало» [1, с. 64]. Соглашаясь с этим утверждением и признавая, что в проведении культурной политики в дореволюционной России огромную роль играла частная инициатива, можно, тем не менее, определить главную задачу этой политики, основные средства её реализации и, достаточно условно, выделить этапы её проведения.

Главной задачей культурной политики России в западно-белорусском регионе была русификация, которая в языковой политике проявлялась, прежде всего, в насаждении русского языка при одновременном ограничении применения «всех языков, распространенных на западных окраинах империи в администрации, образовании, печати, публичной сфере. Ограничения налагались на прежде доминировавшие в определенном регионе языки и применялись в отношении языков, не имевших статуса вполне «развитых» и еще переживавших в XIX веке процесс эмансипации, то есть литовский, латышский, эстонский, белорусский, украинский, идиш» [2, с. 82].

В конце XIX – начале XX в. в реализации культурной политики в западно-белорусском регионе происходят существенные изменения. Прежде всего, можно говорить об особой политике именно в отношении западно-белорусского региона, так как к 1870 г. бывший Северо-Западный край был структурирован по-иному: в составе Виленского генерал-губернаторства остались только Виленская, Гродненская и Ковенская губернии, а Могилёвская, Витебская и Минская были выведены из подчинения Виленскому генерал-губернатору, хотя и остались в составе Виленского учебного округа. Изменился и подход к назначению на должность генерал-губернатора: вместо приверженца

жестких «муравьёвских» методов В. Н. Троицкого (1884–1893) на должность генерал-губернатора назначается сторонник тактики сотрудничества с местным образованным обществом П. Д. Святополк-Мирский (1902–1904), ставший впоследствии министром внутренних дел России (1904–1905). Благодаря Святополк-Мирскому «территориальный спор о принадлежности края переносится из политической в религиозную и культурно-языковую сферу» [3, с. 173].

Конфессиональная принадлежность населения западно-белорусского региона не была стабильной после вхождения белорусских земель в состав Российской империи: в отдельные периоды даже отмечался рост численности католиков. Если учесть, что распространение православия и католицизма включали моменты инкультурации, влияя на формирование этнической самоидентификации прихожан, то понятно почему, декларируя веротерпимость, русское правительство ведёт борьбу за «русификацию» самого костёла. Но если в предыдущий период в борьбе за «русификацию» костёла преобладали меры административного характера (внедрение лиц польского происхождения в состав католического духовенства, замена польского языка русским в преподавании Закона Божьего), сейчас польский костёл рассматривается не как враг, а как конкурент. И в этой конкурентной борьбе всё чаще используется метод апелляции к этнической самоидентификации.

Если предшественники П. Д. Святополк-Мирского отождествляли религию и национальность, новый генерал-губернатор в отчете за 1902-1903 гг., поданном на имя Николая II, писал: «русское племя в Северо-Западном крае не есть безусловный носитель Православной церкви» [3, с. 193]. Действительно, данные Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., где этническая принадлежность определялась по «родному языку», свидетельствуют, что белорусы-католики в большинстве случаев не считали себя поляками. В Гродненской губернии значительная часть, а в Виленской губернии – более половины всех лиц (58,5%), считавших своим родным белорусский язык, исповедовали католицизм [4, с. 50].

Далее в отчете генерал-губернатора следует вывод: «Чтобы остановить ополчение католической части белорусского племени, власть должна приложить максимум усилий для развития у белорусов **национального самосознания** (выделено автором, Н. Ковалёвой), чему может послужить введение в белорусских католических приходах **дополнительного богослужения на их родном языке** (выделено автором, Н. Ковалёвой) [3, с. 193]. Комитет министров, отметив политическую значимость этого вопроса и учитывая этнические особенности населения края, поручил министерству внутренних дел принять все зависящие от него меры к введению в католических белорусских приходах дополнительного богослужения на белорусском языке [3, с. 194]. К идее введения богослужения на белорусском языке правительство обратилось вновь в 1905 году в ответ на предложение нового Виленского генерал-губернатора А. А. Фрезе. В ответ на разосланные Департаментом Духовных Дел отношения губернаторы Северо-Западного края попытались на основе запросов, адресованных уездным предводителям дворянства, проанализировать целесообразность и возможность введения в римско-католических богослужениях местных «наречий». Отвечая на запрос Гродненского губернатора М. М. Осоргина, «трое из девяти уездных предводителей дворянства – Кобринский, Бельский и Волковысский – категорически высказались против введения белорусского языка, четверо – Брестский, Слонимский, Белостокский и Гродненский – поддержали предложение в принципе, но заявили, что его реализация по разным причинам невозможна. Только двое – Пружан-

ский и Сокольский – высказались за осуществление реформы. Причём последний заявил, что ввести белорусский язык необходимо не только в католическое, но и в православное богослужение, ибо это тоже отвечает желанию населения» [5, с. 72]. Заметим, что в этих отчетах абсолютно не учитывались лингвистические особенности населения Западного Полесья (Брестского, Кобринского и Пружанского уездов), которое с середины XIX в. устойчиво стали обозначать как украинцев. П. Бобровский, называя жителей Западного Полесья «палешуками», «пинчуками», «бужанами» («рушками»), подчеркивал, что язык их («королевский говор») значительно отличается от говора малороссийского, а тем более – от белорусского, однако с тем и с другим имеет много общего» [6, с. 88].

Противостояние православной церкви и католического костёла проявилось и в системе образования. До начала восстания 1863 г. в Западном крае «в педагогических советах учебных заведений открыто высказывались пожелания начального обучения крестьянских детей на малороссийском и белорусском «наречиях». Сразу после начала восстания проекты сочетания русского языка с малороссийским и белорусским «наречиями» заменяются установкой на возможно более скорое внедрение преподавания исключительно на русском [5, с. 245]. В новых условиях правительство вновь возвращается к идее ограниченного использования местных «наречий» в образовательных учреждениях как средстве борьбы с полонизацией. Указ 17 апреля 1905 г. «Об устранении стеснений в области религии и укреплении начал веротерпимости» давал учащимся католикам во всех учебных заведениях право изучать Закон божий на их природном языке. Виленский епископ Э. Ропп 22 апреля 1905 г. издал распоряжение, предписывавшее молитвы, катехизис, священную историю и историю костёла учащимся «преподавать на том языке, на котором дети молились дома, то есть на польском и литовском; детям, разговаривавшим по-белорусски, епископ разрешил «в начальных классах преподавать религию по-белорусски» [4, с. 97]. Естественно, возникали сложности при определении родного языка учащихся католиков, так как большинство детей, говоривших дома по-белорусски, традиционно с детства учились молиться по-польски, как и их родители. Предполагалось, что родной язык укажут родители, которые, безусловно, испытывали некоторое давление со стороны священнослужителей.

Понимая, что предоставленная возможность открывает дополнительные шансы введения польского языка, как языка преподавания Закона Божьего, правительство 22 февраля 1906 г. приняло «Временные правила преподавания Закона Божьего», где давались подробные разъяснения относительно проблемы выбора языка. О возможности ограниченного использования в образовательном процессе белорусского и украинского языков вновь заговорили в 1910 г. в связи с обсуждением проекта закона о введении всеобщего начального образования в России. «Проект предполагал, что преподавание должно вестись на русском, но в первые два года допускалось преподавание на родном языке учащихся с тем условием, что уже в первые три месяца обучения должен преподаваться и русский» [7, с. 372]. Закон о всеобщем начальном образовании так и не был принят, и идея о преподавании на родном языке не реализована. Однако на волне некоторой либерализации отношения к национальным языкам в 1910-е годы развивается книгоиздание на языках национальных меньшинств, что, безусловно, является предпосылкой развития народного просвещения. «В 1910-е гг. кни-

ги в России выпускались более чем на 20 языках, хотя заметными успехи в области книгоиздания были лишь на польском, языках Прибалтики, идише, татарском, армянском, украинском, грузинском. Например, в 1913 г. на идише было выпущено 574 издания (тираж 1541015), а на белорусском – только – 12 изданий (тираж 33000)» [8, с. 366–367].

Таким образом, в результате изменения культурной политики России в западно-белорусском регионе наблюдаются изменения в характере межкультурного диалога. «Категорическое отрицание» одной культуры (в данном случае польской) сменяется «настороженным к ней отношением» [9]. Число участников диалога увеличивается за счет новых акторов, чье этническое самосознание, основанное на родном языке, ещё только формируется – белорусов и украинцев. Эти акторы не являются равноправными участниками межкультурного диалога, а рассматриваются и используются главными противоборствующими сторонами для достижения победы в противостоянии.

Литература

1. Жидков, В. С. Культурная политика России: теория и история / В. С. Жидков, К. Б. Соколов. – М.: Академический проект, 2001. – 592 с.
2. Миллер, А. И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования / А. И. Миллер. – М.: Новое литературное обозрение, 2006 – 248 с.
3. Бендин, А. Ю. Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.) / А. Ю. Бендин. – Минск: БГУ, 2010. – 439 с.: ил.
4. Ганчар, А. И. Римско-католический костел в Беларуси (1864 – 1905 гг.): монография / А. И. Ганчар. – Гродно: ГГАУ, 2008. – 276 с.
5. Павшок, А. В. Проблемы языка преподавания Закона Божьего и языка богослужения в римско-католической церкви в Беларуси в начале XX века / А. В. Павшок // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. 4. – 2011. – № 1 – С. 70–74.
6. Терешкович, П. В. Этническая история Беларуси XIX – начала XX в.: В контексте Центрально-Восточной Европы / П. В. Терешкович. – Минск: БГУ, 2004. – 223 с.
7. Западные окраины Российской империи / под ред. М. Долбилова, А. Миллера. — М.: Новое литературное обозрение, 2006. — 608 с., ил.
8. Беликов, В. И. Социоллингвистика: учебник / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. – М.: 2001. – 439 с.
9. Сокольских Н. Н. Диалог пограничных культур // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена /Аспирантские тетради. Научный журнал. – СПб., 2007. – № 10 (31). – 248 с.

УДК 159.923.316.6

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Е. Г. КУДРИЦКАЯ

*Брестский государственный технический университет,
г. Брест, Беларусь*

В зарубежной и отечественной практике удовлетворенность рассматривается как один из значимых показателей качества высшего образования. Однако, как правило, оценке подвергаются отдельные аспекты образовательного процесса, которые ограничиваются сугубо статистическими показателями. Одна из основных